

Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа

Честнов И.Л.

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ, Заслуженный юрист РФ
E-mail: ichestnov@gmail.com

Аннотация. Автор статьи показывает формирование социокультурной антропологии права, науки, которая не может не основываться на постклассической методологии. Постклассическая социокультурная антропология права — это признание человека основой правовой системы. Именно человек конструирует и воспроизводит своими практиками право.

Ключевые слова: социокультурная антропология права, объект и предмет социокультурной антропологии права, постклассическая методология, антропологическое правопонимание.

Состояние юридической науки, как и любой научной дисциплины, характеризуется теми историческими и социокультурными (включая эпистемологические) изменениями, которые происходят в современном обществе, именуемом постиндустриальным, информационным или эпохой постмодерна¹. Юриспруденция не может оставаться в стороне от тех изменений, которые происходят в социальной философии и которые связаны с трансформацией научной картины мира, и тем самым от основ науковедения. Формирование постклассической (или постнеклассической) методологии, если угодно — парадигмы, в социогуманитарном знании обуславливает пересмотр оснований всех научных дисциплин этого цикла: их предметной области, методологии, социального назначения, категориального аппарата.

Что же изменяется в мировоззрении постсовременного общества? Что это за изменения, связанные с приходом «постклассики», применительно к юридической науке²? Главное заключается в том, что проблематизируются понятия «общество» и «человек». Из самоочевидных данностей, на которых строился каркас всех общественных наук, они превратились в самые

спорные, не поддающиеся референции, многомерные, постоянно изменчивые феномены³. Так, крупнейший немецкий социолог XX в. Н. Луман основное и непреодолимое противоречие видит в невозможности соотнести человека и общество в одном целом (в системе)⁴ и приходит к выводу о необходимости сформулировать концепт общества без индивидов. При этом коммуникация, выступающая содержанием социальности⁵, объявляется аутопойетическим феноменом, способным к самовоспроизведению без какого-либо участия человека, его сознания⁶. Возникает вопрос: кто и как производит сообщение, его передачу, расшифровку и другие операции, тра-

³ «...современная культурная ситуация заставляет с подозрением относиться к самой идее общества. Размывание территориальных границы, формирование общей информационной среды, унификация норм и стандартов жизни делают проблематичным то, что с конца XIX столетия и до недавнего времени оставалось аксиомой социологии, — колебимость общества как самостоятельной суверенной реальности. Социология вынужденно адаптируется к такой трансформации своего объекта. Чтобы преодолеть разрыв между базовыми социологическими концептуализациями и изменяющимся объектом исследования энной теории приходится либо прибегнуть к радикальному переосмыслению этого объекта («переопределить общество»), либо произвести рефокусировку своего исследовательского интереса («уйти от общества»). Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011. С. 8.

⁴ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 26.

⁵ Для Н. Лумана все проявления социального охватываются понятием «общество». Если сюда приводит еще что-либо социальное, если возникают новые партнеры или темы коммуникации, то общество разрастается вместе с ними». Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 531. Однако если индивид выводится за рамки общества — как можно увидеть далее — то, следовательно, он не может быть социальным существом. Такой подход представляется малоубедительным. Поэтому более предпочтительно все проявления социального именовать «социальностью».

⁶ Там же. С. 109, 110.

¹ Хотя термин «постмодерн» или «постмодернизм» постепенно исчезает из научного дискурса, многие ученые продолжают именовать современную эпоху как постмодернистскую. См.: «Гражданское общество в парадигме постмодерна». «Гражданское общество в России и за рубежом». 2013. № 1; материалы Всероссийской научной конференции «Девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна» // Вестник Орловского гос. ун-та, 2012. № 9 (29); материалы междунар. науч.-практ. конференции «Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна» (СПб., 25–26 сентября 2014) / под ред. Н.А. Исаева, А.В. Комарницкого. СПб., 2014.

² Авторская позиция по этому вопросу подробно изложена в монографии: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

диционно относящиеся к коммуникации? Такой подход представляется радикальной версией структурализма, против которого как раз и восстали постмодернизм и постструктурализм, через демонстрацию всеислия подчиняющих человека структур⁷.

Об отказе от самодостаточного (аутопийного) образования — общества — как основной категории классической социологии пишет Д. Урри. В эпоху глобализации общество можно понять только через различие с другими обществами. Поэтому понятие общество должно быть, по мнению английского социолога, заменено социальностью, базовыми метафорами, которыми сегодня являются мобильность, сети, перемещения⁸.

Проблематизация общества (социальности) обусловлена антиномией индивида и структуры, или «основным вопросом» социальной философии: что первично — общество или человек? На него пытались ответить все сколько-нибудь значимые философы начиная с Античности (или, может быть, Древнего мира) и до наших дней. При этом практически все придерживались монистической точки зрения, аргументируя в пользу либо одной позиции, именуемой методологическим холизмом, либо другой — методологического индивидуализма. Представляется, что постклассика вносит свою лепту в решение этого вопроса, отказываясь от противопоставления этих полярных позиций в пользу их взаимной дополнительности, взаимообусловленности или диалога. Индивида невозможно вынести за пределы общества, как это делает Н. Луман, как и невозможно обособить интеракцию и рамку (фрейм), речь от языка и т.д. Необходимо показать, как первичное действие (в широком смысле слова, включая ментальную активность человека) порождает коллективные представления (или социальные представления по С. Московичи), в которых закрепляются социальные статусы и связи между ними, и которые, в свою очередь, реализуются в последующих действиях людей как некоторая традиция. Такую программу в свое время предложил П. Бурдьё: «Единственно возможное основание закона — в истории, которая, если быть точным, уничтожает любое основание. Б. Паскаль напоминает, что *история есть идеальное оружие против абсолютизма любого сорта*, поскольку абсолютизм всегда базируется на абсолютизации или натурализации исторических принципов. Какими бы ни были принципы, включая и самые рациональные принципы самого «чистого» раз-

⁷ Против «бессубъективности» правовой коммуникации выступает М. ван Хук, постулирующий ее зависимость от нормоотправителя, нормополучателя, смысла, вкладываемого в сообщение и тем и другим, ценностей, господствующих в данной правовой культуре, от «психических элементов». Ван Хук М. *Право как коммуникация*. СПб., 2012. С. 270.

⁸ Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М., 2012.

ума, например, математического, логического или физического, они всегда сводимы в конечном итоге к их происхождению, а значит — к произвольному истоку. *Основа закона есть* не что иное, как произвол, т.е. по Б. Паскалю — «правда узурпации». А видимость естественности, необходимости закону придает то, что я называю «амнезией происхождения». Рожденная из привыкания к обычаю, она скрывает то, что формулируется приведенной выше тавтологией «Закон есть закон, и больше ничего». А как только мы хотим докопаться до корней, как писал Б. Паскаль, рассмотреть смысл существования закона и идем к самому его истоку, возвращаемся к его началу, то обнаруживаем один лишь произвол. У истока закона нет ничего, кроме обычая, т.е. исторического произвола исторического разума⁹. Социальная реальность, порождаемая первичным произволом, есть «множество невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительному положению: сверху, снизу или между, посредине»¹⁰. «Социальный мир в значительной мере есть то, что делают в каждый момент его агенты; но разрушить и переделать сделанное можно лишь на основе реального знания о том, что из себя представляет социальный мир и какое влияние агенты оказывают на него в зависимости от занимаемой ими позиции»¹¹.

Социальные статусы или классы, по мысли выдающегося французского социолога, не могут быть сведены ни к объективной данности, ни к субъективному произволу: «...субъективизм предрасположен редуцировать структуры к взаимодействиям, объективизм стремится выводить действия и взаимодействия из структуры. Таким образом, главная ошибка, ошибка теоретизирования, которую мы находим у Маркса, заключается в рассмотрении классов на бумаге как реальных классов, в выведении из объективной однородности условий, обусловленностей и, следовательно, диспозиций, которые вытекают из идентичности позиций в социальном пространстве, их существования в качестве единой группы, в качестве класса»¹². Все социальные группы суть позиции в социальном поле, порожденные борьбой за

⁹ Бурдьё П. За рационалистический историзм // *Социологос постмодернизма* '97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М., 1996. С. 15.

¹⁰ Бурдьё П. *Социальное пространство и символическая власть* // *Социология социального пространства*. М.; СПб., 2005. С. 68.

¹¹ Бурдьё П. *Указ. соч.* С. 32.

¹² Там же. С. 71–72. Важно заметить, что П. Бурдьё, придерживающийся позиции социального конструктивизма, подчеркивает: «Но это не означает, что можно сконструировать все что угодно и неважно каким способом: ни в теории, ни на практике». Там же. С. 72.

«монополию легитимной номинации как официального — эксплицитного и публичного — благословения легитимного видения социального мира»¹³ и процессом «пресуществления», «узурпации делегирования» и «самоосуществления доверенных лиц»¹⁴. «Чтобы изучить, как создается и учреждается власть создавать и учреждать, власть, имеющая официального представителя, например, руководителя партии или профсоюза, недостаточно учитывать специфические интересы теоретиков или представителей и структурное сходство, которое их объединяет на основе полномочий. Необходимо также анализировать логику, обыкновенно воспринимаемую и описываемую как процесс делегирования, в котором уполномоченное лицо получает от группы власть образовывать группу. Здесь можно следовать, преобразовывая их анализ, историкам права (Канторович, Пос и др.), когда они описывают мистерию министерства — любезную юристам канонического права игру слов *mysterium* и *ministerium*. Тайна процесса пресуществления, которая совершается через превращение официального представителя в группу, чье мнение он выражает, не может быть разгадана иначе, как в историческом анализе генезиса и функционирования *представления*, при помощи которого представитель образует группу, которая произвела его самого. Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы, и вначале властью над группой с помощью магии слова приказа, замещает группу, существующую только через эту доверенность. Персонифицируя одно условное лицо, социальный вымысел, официальный представитель выхватывает тех, кого он намерен представлять как изолированных индивидов, позволяя им действовать и говорить через его посредство, как один человек. Взамен он получает право рассматривать себя в качестве группы, говорить и действовать, как целая группа в одном человеке: «*Status est magistratus*», «Государство — это я», «Профсоюз думает, что...» и т.п.¹⁵

Сложность определения общества, как и любого социального явления, института, состоит в том, что социальность не имеет непосредственной референции (указания на что-то материальное, фактическое, представляющее собой «общество»). Любое единичное проявление социальности никогда полностью не охватит ее. Но в то же время без воплощения в единичном, можно сказать, в «человеческом субстрате», социальное не существует.

С позиций постклассической методологии можно заключить, что общество — это сложившиеся на основе первичного действия представители элиты и (или) референтной группы социальные статусы (роли, позиции), институты и их воспроизводство (в том числе и видоизменение) конкретными людьми — широкими народными массами, социализованными в рамках данной культуры, выступающей содержанием общества. Это же касается и социальных образований более «мелких», по сравнению с обществом, охватывающим все формы социальности шире сообщества (общины)¹⁶: социального института, малой группы, субкультуры. Акцент здесь делается на механизме воспроизводства социальных (в том числе и правовых) статусов, конструирования социальных институтов и социализации индивидов. Конечно, при этом остаются сложные и до конца не решенные проблемы, например, границ общества, критериев или оснований объединения индивидов в социальное «целое» — общество и др. Однако без хотя бы абстрактного понятия общества невозможны исследования во всех социальных науках, ибо анализ экономики, политики или права не может не опираться на представление об обществе¹⁷.

В чем же бытие социальности как того общего, что разделяют и воспроизводят своими действиями отдельные индивидуумы? Тут мы подходим ко второй антиномии общественного бытия (первой выступала дихотомия структуры и человека, включая его единичное действие) — взаимодополнительности материального и идеального (психического). Специфика социального состоит в его знаково-символическом опосредовании: это не мир людей, их действий и вещей, а значений и смыслов, которые приписываются людям, действиям и вещам. Означивание и осмысление выступает содержанием культуры, которая, в свою очередь, и есть содержание социальности.

Человек в постклассической картине мира не вынесенная за скобки субстанция, а активное начало всех социальных образований. При этом человек, в свою очередь, есть продукт социализаторской деятельности общества — социально значимого Другого, или референтной группы.

Таким образом, можно резюмировать, что «человекоцентристское» измерение социальности

¹⁶ Об обществе позволительно говорить применительно к нации, локальной культуре-цивилизации, человечеству как таковому, в то время как сообщество, по терминологии Ф. Тенниса, имманентно общине, близким клановым или семейно-родственным связям.

¹⁷ Интересно, что критик традиционного понятия общества Д. Урри в работе с характерным названием «Социология за пределами общества», полагающий, что современной (постсовременной) социологии пора расстаться с этим бессмысленным (сегодня) понятием, не может обойтись без метафор «сети, потока и перемещения», описывающих глобальный мир, т.е. производящий переосмысление понятия общества. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. С. 39.

¹³ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 27.

¹⁴ Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм // Социология политики. М., 1993. С. 248.

¹⁵ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 40–41.

сти, сформированное постклассической картиной мира, основанное на методологии социального конструктивизма¹⁸, а также близких ему теоретических направлениях дискурс-анализа¹⁹ и теории социальных представлений²⁰, предлагает следующую «картину» социальной реальности.

1. Любое социальное явление (процесс, норма, институт) существует в трех модусах бытия — в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления, взаимодействующие друг с другом.

2. Социальное явление является результатом предшествующей практики, в том числе означивания, в определенном смысле результатом произвола (по отношению к предшествующим явлениям и практикам), который, впрочем, не может быть каким угодно, выступая, в то же время, относительно устойчивой структурой — массово повторяющимся поведением, зафиксированным знаком и общепринятым ментальным образом.

3. Социальное явление (институт) не есть некая данность, объективная сущность, открываемая в «природе вещей», а представляет собой социальный конструкт, обусловленный и ограниченный хабиитуализацией (опривычиванием) предшествующих практик.

4. Социальное явление никогда не является окончательно завершенным, а находится в состоянии постоянного переосмысления, а тем самым трансформации.

5. Любое социальное явление контекстуально и релятивно: оно зависит от исторического и социокультурного контекста, то есть его содержание определяется связью с другими социальными явлениями и обществом как целым.

Если суммировать многочисленные высказывания современных мыслителей о том, чем современная постклассическая методологическая ситуация отличается от классической, то можно выделить следующие ее характеристики²¹. Во-

первых, наука уже не занимает того положения, которое ей приписывалось в «эпоху сциентизма». После работ постпозитивистов (прежде всего «методологического анархиста» П. Фейерабенда), социологов знания, социальной феноменологии и исследований Римского клуба стало очевидно, что наука не обладает привилегированным эпистемологическим статусом, не является основной формой знания, а наоборот, ответственна за многие (если не за все) глобальные проблемы современности. Во-вторых, «антропологический поворот», произошедший во второй половине XX в., привел к важнейшему (и до конца не осознанному в науковедении) изменению основного гносеологического отношения: от субъект-объектного к субъект-субъектному, включающему в себя субъект-объектное. Это говорит о том, что научное познание является социокультурно и исторически обусловленным как сам процесс познания, так и использование знания (все элементы воспроизведения научного знания). Отсюда перенос интереса современных исследователей от знания как такового к процессу его воспроизводства и к научному сообществу — главному субъекту производства знания, а также опосредующим его социокультурным и историческим условиям (контексту).

Для постклассической методологии характерна также проблематизация познаваемости мира и шире — референтности (отношения знака и предмета, опосредованного означаемым). Отсюда вытекает знаменитый тезис Ж.-Ф. Лиотара о том, что современность (постмодерн) — это недоверие к метанарративам²², которые сегодня утратили свое легитимирующее значение. На вопрос о том, существует ли объективный мир, «природа вещей», с которой должно быть соотнесено научное знание, представители постклассической эпистемологии отвечают в большинстве своем отрицательно. Образ мира для них — это скорее конвенции, соглашения научного сообщества, хотя и не произвольные, а такие, которые демонстрируют большую познавательную эффективность.

И еще одним отличием постклассической методологии от классической является то, что по-

¹⁸ Честнов И.Л. Конструирование социально и правовой реальности // Конструирование девиантности: монография / под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2011; Gergen K. Realities and relationships: soundings in social construction. — Cambridge (Mass.); London, 1994. P. 184.

¹⁹ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London, 1995; Laclau E. Discourse // The Blackwell Companion to Contemporary Culture / Ed. By R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993; Laclau E, Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985.

²⁰ Moscovici S, Farr R. (eds.) Social Representations. Cambridge, 1984.

²¹ О постклассической эпистемологии см.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001; Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. М., 2002; Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10; его же. От классической к постклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990; его же. Теоретическое знание. М., 2000.

²² Метанарративы — это концепции предельной общности (теории К. Маркса, Т. Парсонса, П. Сорокина и др.), которые легитимируют общественный порядок эпохи модерна. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. В связи с утратой ими своего легитимирующего значения радикализируется проблема «короткого замыкания» — перехода от философских конструкций к эмпирическому уровню научного исследования и практическим действиям. «Социальная прагматика, пишет Ж.-Ф. Лиотар, — не обладает «простотой» научной прагматики. Это чудовище, образованное наложением сетей гетероморфных классов высказываний (денотативных, прескриптивных, перформативных, технических, оценочных и т.д.). Нет никаких оснований считать, что можно определить метапрескрипции общие для всех языковых игр, и что один обновляемый консенсус (то, что в определенные моменты главенствует в научном сообществе) может охватить совокупность метапрескрипций, упорядочивающих совокупность высказываний, циркулирующих в обществе» (там же. С. 155).

следняя основывалась на дихотомических антиномиях индивидуализм — холизм, идеализм — материализм (реализм), сущее — должное и т.д. При этом все классические теории познания исходили из принятия в качестве основания какого-либо одного из двух полюсов антиномий, доказывая недостаточность противоположной точки зрения. Современная (постклассическая) теория познания в качестве своего основания берет не одну из двух противоположностей, а процесс их снятия, то, что условно говоря, располагается между ними, демонстрируя их взаимообусловленность.

В общем и целом постклассическая методология предполагает «переоценку фундаментализма, признание многомерного образа реальности, а также неустранимой множественности описаний и «точек зрения», отношения дополнительности и взаимодействия между ними. Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины — это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания XXI в. Мы уже работаем в контексте многих постмодернистских принципов, не всегда осознавая, как известный герой Мольера, что «говорим прозой»»²³.

Какое отношение все эти изменения имеют к юридической науке? Само непосредственное. Юриспруденция не может не учитывать обозначенные выше эпистемологические трансформации основ социогуманитарной науки как таковой. В связи с приходом «постклассики» меняется предметное поле юриспруденции, как и само представление о предмете юридической науки. Именно постклассическая эпистемология обращает внимание на перспективность междисциплинарного подхода, продуцирующего новое знание²⁴. Приоритетными исследованиями в рамках юриспруденции становятся: сконструированность и воспроизводимость правовой реальности практиками (ментальной и поведенческой активностью) человека; социокультурная обусловленность права; многообразие правовых культур в современном мире и коммуникации (включая диалог) между ними. Все это — исходные положения нового направления, формирующегося в юридической науке, — социокультурной антропологии права. Социокультурная антропология права, основанная на постклассической методологии — это переосмысление предметов антропологии и юриспруденции в сторону междисциплинарности и конвергенции. В рамках постклассической антропологии права (как и в социокультурной антропологии) происходит «методологическая рево-

люция» — переход от количественных, структурно-объективирующих методов научного исследования к «качественным» методам исследования практик людей²⁵ и их восприятий самими участниками²⁶.

Постклассическая антропология права — это деконструкция «прежней антропологии» с ее «объяснительными схемами (альтернативы «природа/общество», «избранность/отбор» и др.), которая пытается найти новые, конструктивистские схемы объяснения. «В центре внимания оказывается анализ квазинатуралистических отождествлений и допущений мнимых природных объектов (например, расы, нации и др.) в качестве предмета антропологических исследований (в этом отношении показательна критика Ж. Деррида идеологии расизма)»²⁷.

Таким образом, постклассическая социокультурная антропология права — это переосмысление предмета и методологии данной дисциплины, включая новое представление о праве, его назначении и месте в постиндустриальном, информационном социуме.

Объектом науки социокультурной антропологии права выступает право как социальное явление во всей его многогранности, или правовая реальность, т.е. люди, социализированные в данной культуре, конструирующие господствующие сегодня социальные представления о праве²⁸, включая знаковое их воплощение в законодательстве и других формах нормативности права, и их реализацию в юридически значимых практиках²⁹. При этом знаковая форма социаль-

²⁵ «Возникающее направление [синергичная антропология — И.Ч] приобретало специфическую двойко-ориентированную структуру: оно должно было выделить в истории и исследовать некоторую формацию антропологических практик — с тем, чтобы на базе этих практик развить новую неклассическую антропологию, дающую понимание антропологической ситуации наших дней», — пишет С.С. Хоружий. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. С. 673–674.

²⁶ Об изменениях представлений о предмете и методе в современной американской антропологии см.: Рубел П., Чегринцев М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 85–101.

²⁷ Генисаретский О.И., Огурцов А.П. Предисловие // Методология науки и антропология / отв. ред. О.И. Генисаретский, А.П. Огурцов. М., 2012. С. 5.

²⁸ Мальцев Г.В. утверждает, что «почти все политико-правовые категории и институты, начиная с понятий права и государства, относятся к такого рода идеальным предметам, создаваемым нашим сознанием в результате интенсивной «работы чувств» и представлений». Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 130–131.

²⁹ В этой связи вызывает недоумение утверждение В.В. Бочарова, что «объектом исследования антропологии права выступает обычно-правовая система (инвариант обычного права), которая формируется в процессе общественной самоорганизации и определяет социальный порядок в традиционном обществе». Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб., 2012. С. 16. Это чрезвычайно «зауженное» определение объекта антропологии права, которая сегодня ак-

²³ Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. М., 2002. С. 53–54.

²⁴ См.: Касавин И.Т. Социальная онтология, конструирование знания и междисциплинарные исследования // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столярской. М., 2012. С. 166–174.

ных представлений взаимодополняет юридические практики: последние существуют только тогда, когда о них известно, а это возможно, только если они опосредованы знаковой формой, задающей значения и смыслы.

В общем и целом предмет социокультурной антропологии права — это «человеческое измерение» права в контексте культуры. Право, как и любое социальное явление, не существует вне и без человека. Именно человек конструирует правовую реальность и воспроизводит ее своей ментальной и поведенческой активностью. В то же время человек в социальном (и правовом) мире выступает социализированной культурой соответствующего социума личностью. Поэтому изучать «человеческое наполнение» права вне контекста культуры бессмысленно. Именно культура определяет содержание политики права — что считать (и считается) правом в данном социуме с помощью механизмов номинации и означивания. В то же время, как показали представители «культурных исследований» и сторонники «критического дискурса-анализа», содержание культуры (процессов номинации и означивания) зависит от структуры властных отношений, от результатов борьбы за монопольное право номинации и означивания (по терминологии П. Бурдьё)³⁰.

Предмет науки, в том числе и социокультурной антропологии права, контекстуален: исторически изменчив и обусловлен соответствующей исторической эпохой. Это же касается и юридической догматики. Несмотря на сохраняющиеся юридические понятия и конструкции, образующие содержание юридической догматики и соответствующую традицию, «ремесло юристов», «способ юридического мышления»³¹, сформированные в эпоху средневековья, каждая эпоха их переформулирует и адаптирует к изменяющемуся историческому контексту. А.М. Михайлов правильно пишет: «Не требует особых доказательств

утверждение *exnihilonihil* — ни одна идея, концепция, конструкция не рождается из вакуума, из абсолютного небытия. «Новые идеи, — писал Л. фон Мизес, — не возникают из идеологического вакуума. Они порождаются существующей идеологической структурой; они являются реакцией разума человека на идеи, разработанные его предшественниками». Все юридические гипотезы, аргументы и выводы формируются в определенном историкокультурном и профессиональном контексте — путем интегрирования частных или сугубо профильных теорий в более общую, комплексную, помещения их в более широкий контекст, при помощи количественного дополнения и качественной корректировки предшествующих теорий, через отрицание их базовых положений и предложения собственных гипотез, аргументов и выводов. /.../ Для правопведения время тоже «коже, а не платье»; ни один профессиональный юрист не в состоянии отринуть те структуры, которые определяют его мышление и которые сформировались благодаря незримой корпоративной традиции»³². Об этом уже писал в начале XX в. Г. Радбрух: «Каждая новая эпоха лишает факты, относящиеся к ценности прошлой эпохи, их существенности, и, наоборот, выдвигает на первый план факты, до сих пор малозначимые с точки зрения их отношения к ценности. Например, в каждую эпоху меняется разграничение между исторически значимыми и просто устаревшими фактами. Каждая эпоха переписывает историю по-новому. И поэтому нет ничего удивительного также и в том, что каждая эпоха должна заново создавать свою науку права»³³.

Принципиальное значение для определения предмета социокультурной антропологии права играет тип цивилизации, в которой существует эта дисциплина и к которой принадлежит субъект, его конструирующий. Разные типы цивилизаций обуславливают различные образы правовой реальности и отличающиеся друг от друга правовые системы. В результате предмет социокультурной антропологии права, как и юридической науки, получает специфические именно для данной культуры, цивилизации характерные черты. Несмотря на процессы глобализации, культурные различия продолжают (а может быть, и усиливают) оказывать определяющее воздействие на научную деятельность и ее предмет³⁴. Это доказывается тем несомненным фактом, что наука не может существовать вне научного сообщества. А последнее является

тивно изучает позитивное право современного общества. См.: Рулан Н. Юридическая антропология современного западного позитивного права // Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М., 1999. С. 230–296.

³⁰ В этой связи конструирование предмета любой науки, в том числе и социокультурной антропологии права — это также результат борьбы представителей разных научных сообществ (групп) в «поле науки» за их влияние на политическую элиту в признании и финансировании именно их научной деятельности. Поэтому, например, «антропология занимает маргинальное место в британских университетах и в общественном сознании как раз по этой причине — она подвергается сомнению общепринятые установки, высказывает новые проблемы и вскрывает контекстуальную обусловленность того, что подается нам под видом универсальных объяснений». Харвей П.О. преимущества структурной маргинальности Британской социальной антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. ст. / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М., 2012. С. 22.

³¹ О догматической юриспруденции см.: Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012; Тарасов Н.Н. Методологический проблемы юридической науки. Екатеринбург. 2001. С. 244 и след.

³² Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. С. 5–6.

³³ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 139.

³⁴ На том, что именно культурные различия, вытекающие из религиозных оснований, являются определяющими в XXI в., настаивает сегодня один из основоположников теории модернизации С. Хантингтон. Huntington S.P. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.

носителем специфических культурных особенностей соответствующего социума. Это же касается и специфики социальной стратификации данного общества, того места, которое в нем занимает наука (и антропология с юриспруденцией в частности). В социальной психологии доказано, что классовая принадлежность во многом обуславливает специфику восприятия любого социального явления³⁵, в том числе и права. Все это необходимо отличать от вульгарного социологизма, коим страдают наиболее радикальные концепции социологии знания. Социальный контекст, несомненно, оказывает значительное влияние как на отдельного представителя научного сообщества, так и на всю совокупность ученых. Однако это воздействие не прямое, а опосредованное, в частности, существующими ценностями и нормами науки, ее внутренней структурой, категориальным аппаратом и др., преломляющими и адаптирующими социокультурное воздействие. В то же время нельзя не обращать внимание и на процесс трансляции и даже переноса и заимствования научных знаний как в исторической ретроспективе, так и в кросс-культурном аспекте (речь идет о навязывании образцов науки, в том числе юридической, Западом всем остальным регионам мира). В любом случае отрицать влияние социокультурного контекста на формирование предмета теории права (юриспруденции) невозможно, как и не следует его переоценивать, считать, что он прямо и непосредственно его (предмет) определяет.

Возвращаясь к предмету социокультурной антропологии права, необходимо затронуть проблему закономерностей, образующих, по мнению сторонников классического науковедения, предмет любой научной дисциплины. Постклассическая эпистемология не отрицает их существования, но показывает их относительность (релятивность). Право существует только вместе с психическими, культурными, экономическими и прочими явлениями и процессами, поэтому правовые закономерности — это частный случай, момент, сторона (перефразируя Гегеля) общесоциальных закономерностей: условных и вероятностных тенденций, показывающих связи между социальными явлениями. Все сказанное не означает, что релятивность права — это произвол и анархия. Релятивность права — это его зависимость и обусловленность как обществом³⁶, так и отдель-

ными социальными «неправовыми» явлениями. С точки зрения социокультурной антропологии права, право, как и любой другой социальный институт, выполняет социальную функцию: обеспечивает нормальное функционирование социума (как минимум — самосохранение, как максимум — процветание). Право это делает с помощью нормирования наиболее значимых общественных отношений; в экономике — производством и распределением материальных благ; в политике — принятием политических решений и т.д. В этом как раз и состоит сущность права, минимум его универсальности. Почему минимум? Потому что содержательно — это «голая абстракция», наполняемая конкретным содержанием и формами в различные исторические эпохи и в разных культурах-цивилизациях. Конкретное содержание права как раз и задается контекстом исторической эпохи и культуры-цивилизации. Таким образом, релятивизм — это не «вседозволенность», не «методологический анархизм» (в духе П. Фейрабенда), подрывающий основания юридической и антропологической науки, а признание права социальным феноменом, обусловленным состоянием общества, определяемым культурой и существующим вместе (во взаимодополнительности) с другими социокультурными и психическими явлениями.

Подводя итог, можно утверждать, что *социальное значение социокультурной антропологии права состоит прежде всего в выработке нового, адекватного историческому и социокультурному контексту постиндустриального, информационного, мультикультурного общества типа правовопонимания, придании человеко-культурно-размерности юриспруденции*. Это не отрицает важности прагматической задачи социокультурной антропологии права как науки и учебной дисциплины в подготовке кадров, способных регулировать конфликты, выступать прежде всего посредниками в них, между органами государственной власти и представителями коренных народов и других культурных меньшинств³⁷. Таким образом формулируемая задача (или назначение) социокультурной антропологии права низводит ее до прикладной дисциплины, в то время как предлагаемый подход придает гораздо большее теоретическое значение социокультурным антропологическим исследованиям права.

³⁵ Например, в серии ставших знаменитыми экспериментов Дж. Брунера показано, что дети из разных социальных групп по разному воспринимают размер монет одного достоинства (менее обеспеченные явно его переоценивают). Брунер Дж. Психология познания. М., 1977. В социальной психологии также доказано, что люди с более низким социально-экономическим статусом отличаются более низким локусом контроля: склонны относить происходящее с ними на счет причин внешнего порядка, и что внешние обстоятельства определяют судьбу человека, а не он сам. Gurin P., Gurin G., Morrison B.M. Personal and ideological aspects of internal and external control // *Social Psychology*. № 41. P. 275–296.

³⁶ Само понятие «общество», с позиций постклассической социологии, — абстракция, социальное представле-

ние, сконструированное людьми. Его содержание образуют люди, их действия и ментальные образы, а также предметы материального мира, которыми люди оперируют в своей практической деятельности.

³⁷ «После развала СССР, — пишет В.В. Бочаров, — именно антропологи с энтузиазмом принялись защищать права «своих» народов, борясь за сохранение самобытности их культур. Они старались привлечь к этой проблеме внимание не только научных деятелей, но и общественности, политиков, приглашая их на семинары, симпозиумы, «летние школы». В результате антропологи стали привлекаться в качестве консультантов к законодательному процессу. Они и сегодня активно сотрудничают с органами государственной власти, убеждая их учитывать в законотворчестве обычное право народов России». Бочаров В.В. Указ. соч. С. 10.

Список литературы:

1. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб., 2012.
2. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
3. Бурдье П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма' 97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М., 1996.
4. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005.
5. Бурдье П. Делегирование и политический фетишизм // Социология политики. М., 1993.
6. Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012.
7. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011.
8. Генисаретский О.И., Огурцов А.П. Предисловие // Методология науки и антропология / отв. ред.: О.И. Генисаретский, А.П. Огурцов. М., 2012.
9. Девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Материалы Всероссийской научной конференции // Вестник Орловского гос. ун-та, № 9 (29). 2012.
10. Елфимов А. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. ст. / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М., 2012.
11. Касавин И.Т. Социальная онтология, конструирование знания и междисциплинарные исследования // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М., 2012.
12. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
14. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
16. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
17. Микешина Л.А. Философия познания. Poleмические главы. М., 2002.
18. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
19. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Ч. 3: Философия науки и историографии. СПб., 2011.
20. Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна // Материалы междунар. науч.-прак. конференции / под ред. Н.А. Исаева, А.В. Комарницкого. СПб., 2014.
21. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
22. Рубел П., Чегринец М. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 85–101.
23. Рулан Н. Юридическая антропология современного западного позитивного права // Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М., 1999.
24. Социальная эпистемология: идеи, методы, программа / под ред. И.Т. Касавина. М., 2010.
25. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.
26. Степин В.С. От классической к постклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
27. Степин В.С. Теоретические знание. М., 2000.
28. Тарасов Н.Н. Методологический проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. МОДЕ
29. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. ИАР
30. Харвей П. О преимуществах структурной маргинальности Британской социальной антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сб. ст. / ред. и сост. А.Л. Елфимов. М., 2012.
31. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010.
32. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
33. Честнов И.Л. Конструирование социально и правовой реальности // Конструирование девиантности: монография / под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2011.
34. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London, 1995.
35. Gergen K. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (Mass.): London, 1994.
36. Gurin P, Gurin G, Morrison B.M. Personal and ideological aspects of internal and external control // Social Psychology. № 41.
37. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.
38. Laclau E. Discourse // The Blackwell Companion to Contemporary Culture / Ed. By R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993.
39. Laclau E, Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985.
40. Moscovici S, Farr R. (eds.) Social Representations. Cambridge, 1984.

Social-Cultural Anthropology of Law as a Post-Classical Research Programme

Chestnov I.L.

Doctor of Law, professor of the Department of theory and history
of state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation,
Honored lawyer of the Russian Federation
E-mail: ichestnov@gmail.com

Abstract. The author shows the formation of social and cultural anthropology of law. Contemporary social-cultural anthropology rights can not be based on post-classical methodology. Post-classical social-cultural anthropology of law is the recognition of a person as the basis of the legal system. Just man constructs and reproduces their practices right.

Key words: social-cultural anthropology of law, the object and subject of social and cultural anthropology, law, post-classical methodology of anthropological understanding.

References:

1. Bocharov V.V. Nepisanyi zakon: Antropologiya prava. Nauchnoe issledovanie: ucheb. posobie. SPb., 2012.
2. Bruner Dzh. Psihologiya poznaniya. M., 1977.
3. Burdè P. Za racionalisticheskii istorizm // Sociologos postmodernizma' 97. Al'manah Rossiisko-francuzskogo centra sociologicheskikh issledovaniy Instituta sociologii Rossiiskoi Akademii nauk. M., 1996.
4. Burdè P. Social'noe prostranstvo i simbolicheskaya vlast' // Sociologiya social'nogo prostranstva. M.; SPb., 2005.
5. Burdè P. Delegirovanie i politicheskii fetishizm // Sociologiya politiki. M., 1993.
6. Van Huk M. Pravo kak kommunikaciya. SPb., 2012.